

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/5612070>

Как Лоис Лейн

Направленность: Слэш

Автор: [lota](https://ficbook.net/authors/186331) (<https://ficbook.net/authors/186331>)

Фэндом: Волчонок

Пейринг или персонажи: Скотт Маккол/Джексон Уиттмор

Рейтинг: PG-13

Жанры: Ангст, Детектив, Hurt/comfort, AU

Предупреждения: **Смерть второстепенного персонажа**

Размер: Миди, 39 страниц

Кол-во частей: 11

Статус: закончен

Описание:

Джексон — репортер криминальной хроники с патологической тягой к сверхъестественным историям, и ему, кажется, срочно нужен Супермен.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

Примечания автора:

AU (относительно "в каноне"); смерть второстепенных персонажей; автор пытается в детектив, но у него не очень-то получается.

Написано на ТВ ББ, отбечено Allora, к тексту есть иллюстрация от прекрасной K@sh (https://pp.userapi.com/c639122/v639122278/591f0/rfvqUtxJ9_0.jpg)

ТОС

ТОС	2
Часть 1	3
Часть 2	7
Часть 3	11
Часть 4	14
Часть 5	19
Часть 6	23
Часть 7	28
Часть 8	31
Часть 9	34
Часть 10	38
Часть 11	42

Часть 1

Денек выдался паршивый. Технически речь шла, скорее, о двух днях, но последние часа три Джексон предпочитал об этом не думать. Нет, поначалу злость на весь окружающий мир — от дурного на всю голову начальства до косоруких составителей местного архива — помогала удерживать ускользающее сознание, но после сорока часов без сна сил на эмоции просто не хватало.

Да что там, их едва хватало на то, чтобы вести машину, и это ему еще повезло, что в ночь со среды на четверг никому больше не понадобилось уехать из чертова захолустья: не будь дорога свободной, он бы, скорее всего, отсыпался в ближайшем полицейском участке.

Возможно, впрочем, там было бы даже лучше — Джексон зажмурился, подождал секунду и снова открыл глаза. Ключ от номера ничуть не изменился. То есть, не стал выглядеть лучше. Или хотя бы презентабельнее.

«Черт», — подумал он. Сонный администратор мягко улыбнулась и подсказала:

— Третий этаж, вторая дверь от лестницы.

Ладно. В конце концов, у него не было особого выбора. Джексон кивнул — не то администратору, не то собственным мыслям, — резким движением сгреб ключ с стойки и побрел к лестнице.

Стены были, кажется, оклеены какими-то вырезками, но Джексон не особо обращал внимания: убийственно хотелось спать, и все как будто сосредоточилось на банальном противостоянии этому желанию.

Он не помнил, как добрел до номера, — несколько минут как будто вырвали из памяти, подменив чем-то другим: мелькнувшим на краю сознания силуэтом, вкрадчивым шепотом, тихим-тихим щелчком курка.

«Черт», — подумал Джексон с бессильной злостью. Призрак будущего кошмара ныл в висках, пока он пытался попасть ключом в замочную скважину.

— Черт, — повторил он вслух, захлопывая за собой дверь.

Портфель с документами врезался в тумбочку, Джексон замер на секунду, прикидывая, выдержит ли его тушка поход до душа, и с определённым сожалением признавал: не выдержит.

Он слишком устал — архив Бикон-Хиллз вытянул из него все силы, оставив взамен полный пшик. Да, он вез домой целую папку разнообразной макулатуры, но это было, скорее, знаком отчаяния.

Джексон провел в условно-родном городке весь отпуск, ничего не нашел, и этой ночью то самое «ничего» снилось ему — горячее, оранжевое и красное одновременно,

пропахшее бензином, металлом и порохом.

Проснулся он поздно. По собственным меркам, как минимум. Не то чтобы Джексон был таким уж жаворонком — с его работой не слишком-то получалось ложиться рано, но вставать он привык всё-таки до десяти.

Теперь электронные часы на запястье со всей возможной глумливостью показывали половину двенадцатого, и нет, Джексон не хотел представлять, что с ним сделает шеф.

Следовало поторопиться — хотя бы ради приличия, — но собирался Джексон почти рекордно долго: слишком хотелось смыть мутную тревогу, почти привычную, но по-прежнему мерзкую.

Не получилось — вывалился из номера он по-прежнему взвинченным, напряженным до внутреннего треска, обернулся закрыть дверь, поднял напоследок взгляд и вдруг зачем-то разглядел прикрытую стеклом витрину.

«В этом номере произошло восемь самоубийств», — гласила табличка. Джексон моргнул и перевёл взгляд ниже. Под стеклом лежала газетная вырезка сорокалетней где-то давности: широкий чёрный заголовок на желтоватой бумаге, потертая фотография светловолосого мужчины в ковбойской шляпе.

Джексон вдохнул, выдохнул и привычно включил внутренний фильтр: Арджент, две единицы оружия, вырезка для экспозиции предоставлена семьёй покойного.

Полшага назад, щелкнуть кнопкой смартфона, перебросить снимок в рабочую папку.

Отлично.

Джексон нервно хмыкнул, поправил портфель — ремень врезался в плечо, — и повернулся к лестнице. Теперь он примерно понимал, какими вырезками оклеены стены: все та же тема, разве что сроки другие и меньше фактов.

Ничего не скажешь, шикарный антураж.

Джексон сбежал по ступеням, чуть не пролетел по инерции мимо стойки, но вовремя остановился: прижался бедром к теплому дереву, выдохнул, нервно постучал по стеклу. Администратор, отвратительно бодрая, даже не подняла головы. Кивнула, обозначая внимание, и попросила:

— Подождите минуточку.

Джексон дернул подбородком и тут же поднял голову, обводя помещение взглядом. Нервное, немного болезненное любопытство требовало движения, и Джексон даже с некоторым удовольствием рассматривал рабочее место администратора: разложенные вокруг компьютера бумаги, рамка, крашенная «под дерево», какие-то фото на стенах — вероятно, более личные, чем газетные вырезки, — какой-то счетчик под стеклом.

Еще один экспонат?

«Счётчик самоубийств», — прочел Джексон, прищурившись. Цифра была... внушительной. Очень внушительной, подумал он, привычно опуская плечи и пережидая мелкий внутренний холодок. Всякий раз это было как стоять на крыше высотки и смотреть вниз. Всякий раз это заставляло вцепиться в какую-то смутную, опасную мысль, в какую-то ниточку внутри — узнавать о смерти.

Джексон не мог привыкнуть жить в мире, в котором небезопасно.

Администратор подняла голову и улыбнулась, поймав его взгляд.

— Как вам? — спросила она, и тут же продолжила, не дожидаясь ответа: — Владелица решила сохранить. Сделать изюминкой.

— Владелица? — машинально переспросил Джексон.

Мысли были как будто где-то совсем далеко.

— Мисс Мартин купила мотель после пожара, перестроила тут кое-что, поменяла дизайн, — администратор пожала плечами. — Самоубийств у нас больше не случается, но антураж и специфическая слава по-прежнему привлекают заинтересованную общественность. Мы стараемся поддерживать этот интерес...

Кажется, она говорила об этом далеко не впервые. Джексон склонил голову к плечу и на секунду прикрыл глаза, стараясь не вслушиваться в щебетание выверено-радостного голоса. То есть, нет, мотель самоубийц был интересной концепцией — особенно с учётом её проработанности, но воспринимать все это Джексон был просто-напросто не готов.

Трупов ему хватало на работе — благо, не самоубийц в основном.

Речь администратора все не кончалась, и Джексон постепенно терял терпение. Нестерпимо хотелось просто бросить ключ и уйти — даже профессиональное любопытство не спасало.

Спас телефонный звонок: навязчивая мелодия, похожая на визг сирены, врезалась в уши, и Джексон почти автоматически схватился за трубку.

Звонил Пэрриш.

— Привет, — сказал он, — есть для тебя кое-что.

— Где? — уточнил Джексон, поворачиваясь, наконец, к дверям и чувствуя, как на лицо напал торжествующая ухмылка.

— В лесу. Въезд через Сваллоу-драйв, я тебя встречу.

Джексон поколебался секунду, прежде чем уточнить:

— Что там?

— Угадай, — мрачно хмыкнул Пэрриш. — Твоя тема. Крайне художественный труп.

— Буду через полчаса.

Поспешно заводя машину, Джексон думал: по крайней мере, теперь ему есть, чем оправдываться перед шефом.

Часть 2

Пэрриш прижимался задницей к капоту полицейской машины, пялился на кромку леса, зевал и всячески пытался не походить на брошенного у супермаркета пса.

— Чего ждём? — поинтересовался Джексон, выходя из машины.

Вначале он хотел остановиться в лесу, недалеко от поворота, но потом подумал: не к черту ли, плодить вранье, самому себе портить нервы? Пытаться придумать удачную ложь, которую полиция не распознает в первые три минуты, случись что.

Нет, он мог бы, но сил на это уходило море.

— Машину из морга, — мрачно ответил Пэрриш.

Выглядел он не очень: синяки под глазами, скованные движения, затвердевшая челюсть. Не то чтобы Джексон знал его хорошо — более-менее сносно, никак не больше, но, в принципе, состояние было вполне узнаваемое.

Глухая, протестующая злость.

Вообще-то, Пэрришу это не сильно подходило: он был хорошим парнем из той породы хороших парней, про которых снимают кино, пишут романы, рисуют комиксы и все такое. Капитан Америка от местного отделения полиции.

Сейчас Пэрриш на Капитана Америку не походил ни капли. Разве что на Капитана Америку в тот момент, когда его принципы конкретно поимели, но Джексон был откровенно не уверен, что в комиксах такое случалось. Их авторы всегда подыгрывали главным героям.

Он хмыкнул, качнулся с мыска на пятку и неловко уточнил:

— Сколько у нас времени?

Прошло не меньше пары секунд, прежде чем на лице у Пэрриша отразилась работа мысли: медленная и очевидно мучительная.

— Минут двадцать, — наконец ответил он, выпрямляя спину. — Записывай. Очень художественный труп.

Он на секунду замолк, как будто собираясь с мыслями или выбирая тон, и Джексон щелкнул кнопкой карманного диктофона, мимолетно жалея, что не сделал этого раньше: в том, как Пэрриш произносил это самое «очень художественный», было что-то странное. Какая-то тонкость, которую Джексон не мог так с ходу распознать.

Пэрриш выдохнул и продолжил:

— Девушка, в районе двадцати-двадцати трёх. Личность официально не установлена, но

один из наших ребят опознал её как Эрику Рейес. Модель.

— Дай угадаю, — хмыкнул Джексон, — снималась для эротических журналов?

Сухой, протяжный тон Пэрриша ему совершенно не нравился. То есть, Пэрриш был профессионалом. Не слишком сентиментальным, не слишком чувствительным, — и Джексон совершенно не хотел представлять, что могло привести его в такое состояние.

Какой художественности должен был быть труп.

От одной мысли об этом хотелось вскинуться. Съязвить. Что-нибудь сделать.

— Не имеет значения, — Пэрриш пожал плечами.— Её подвесили на дереве и рассекли напополам. Мечом, предположительно.

— Мечом, — тупо повторил Джексон. — Ты имеешь в виду, что какой-то маньяк взял большую железку?..

— И очень технично разрезал ею девушку, — кивнул Пэрриш, прищелкивая пальцами.
— Маньяк, Уиттмор. Это не здоровый убийца, который спрячет эту игрушку и будет молиться, чтобы его не нашли.

«И поэтому ты решил мне все рассказать», — сглотнул Джексон.

Пэрриш был честным копом, иногда болезненно честным, и это было его большой профессиональной проблемой. Он не мог молчать, если людям грозила опасность.

То есть, потенциальный маньяк.

И труп.

И тень шефа где-то на горизонте: Джексон нащупал в кармане толстовки некстати завибрировавший мобильник, сбросил вызов и снова поднял взгляд на Пэрриша.

— Посмотреть можно будет?

— У тебя нервы не выдержат, — отозвался Пэрриш серьезно.

— Так плохо? — уточнил Джексон.

Пэрриш поднял голову, и Джексон увидел в уголках его губ привычную тень чуть раздосадованной усмешки. «Гражданский», — вот что это значило. Поэтому он и любил работать с Пэрришем: у других это означало бы что-то гораздо менее лестное.

— Ладно, — сказал он, — пусть не выдержат, но фотографии мне по-прежнему нужны. И свидетели. Кто нашёл тело? Куда повезут? Кто будет опознавать тело, какие-нибудь приятели Рейес?

На лице у Пэрриша так и читалось: «А ещё что тебе рассказать?» Джексон хмыкнул, склонил голову к плечу и подумал, что за еще один такой взгляд придумает лишний десяток очень важных вопросов. Просто чтоб неповадно было. Ощущение было странное и сладкое: как будто он был охотником, загнавшим добычу. Да, Пэрриш делился информацией, по сути, добровольно, но каждый раз, когда приходилось задавать вопросы, это тянуло и екало звонкой, насмешливой, любопытной жаждой.

Может быть, поэтому Джексон был журналистом.

— Ну так? — поторопил он.

Пэрриш вздохнул, постучал пальцами по капоту машины и все-таки заговорил:

— Повезут в морг при центральной больнице, там есть документы на Рейес. Уточнят. На опознание, если потребуется, вызовем родственников. Если их не окажется — друзей, однокурсников.

«Поговорить со студентами», — мысленно отметил Джексон. Может быть, получится прибиться к ним. Или выторговать пару фотографий из-под полы.

— Нашла труп, — Пэрриш сделал короткую паузу, тяжело выдохнул и повторил: — Нашла труп вышедшая на пробежку местная жительница, Кейт Арджент.

«Арджент», — щелкнуло у Джексона в голове. Телефон в кармане как будто мгновенно нагрелся, и, честное слово, Джексон ни капли бы не удивился, если бы в этот момент фотография всплыла бы сама по себе на экране.

Арджент.

Нет, это могло быть совпадением — он готов был поставить деньги на то, что это совпадение, — но рациональная, разумная мысль почему-то не казалась верной. И не успокаивала.

— У нее нервы выдержали? — поинтересовался Джексон, справляясь с собой.

Не то чтобы это было легко. Наоборот, скорее. Что-то в Джексоне — что-то среднее между паранойей и интуицией — утверждало: совпадений не бывает. Пэрриш изобразил насмешливое удивление. В сочетании с общей бледной измотанностью вышла та еще рожа.

— Вполне, — сказал он. — Когда мы приехали, она была более чем в себе. Сообщила персональные данные, похвалила удар убийцы с профессиональной точки зрения и укатила на нашей машине в больницу.

— Она тебя разозлила, — ухмыльнулся Джексон. — И очаровала.

Пэрриш пожал плечами.

— Что-нибудь еще? — уточнил Джексон, щелкая кнопкой диктофона. — Не под запись. Строго между нами.

— Нет.

Это было что-то вроде: «Дальше сам», — и не то чтобы Джексон был принципиально против. В конце концов, Пэрриш дал ему более чем достаточно. По крайней мере, для того, чтобы заинтересовать шефа.

Джексон от всей души на это надеялся.

Часть 3

Шеф поставила запись на паузу и, наконец, подняла на Джексона взгляд. Тот пожал плечами и попытался чуть отвернуться.

Нет, шеф не жрала своих сотрудников на обед — будь оно так, это быстро стало бы общеизвестным фактом, — но впечатление почему-то производила самое пугающее. Честное слово, до работы в «Сити Лайф» Джексон даже не представлял, что маленькая ухоженная женщина с идеальным маникюром может быть настолько жуткой, не прикладывая к этому совершенно никаких усилий.

— Врешь же, Уиттмор, — ласково сказала шеф. — Ты не из-за этого труп опоздал.

Джексон снова пожал плечами. Врать шефу вообще не имело смысла: она каким-то непостижимым образом чуяла что ложь, что банальное умалчивание. Это было бы даже круто, если бы не мешало нормально работать. То есть, попробуй поработать, когда твое начальство точно знает, в каком состоянии статья, которую нужно сдать до конца рабочего дня. Ничего радостного, если кому интересно.

— Ладно, — шеф усмехнулась и бросила ему диктофон. — Иди работай, материал с перспективой. Потенциальное наказание сидит в твоём кабинете.

— В каком смысле потенциальное? — уточнил Джексон, пряча диктофон на законное место.

— Тебе может понравиться, — усмехнулась шеф.

Закрывая за собой дверь, Джексон думал: высокая зарплата сотрудника «Сити Лайф», вероятно, включает моральную компенсацию за общение с шефом.

Вообще говоря, небольшой кабинет на седьмом этаже не был в буквальном смысле его. Изначально там стояло четыре рабочих стола и все такое, но Минди, бывшая однокурсница, уволилась через месяц после того, как они устроились в «Сити Лайф» — не выдержала шефа, — мистер Гевин писал статьи сначала из одной африканской пустыни, потом из другой, из третьей, и все эти командировки, кажется, вообще не заканчивались, плавно перетекая из одной в другую, а «милашку Дюка» на рабочем месте никто ни разу не видел, и полгода спустя Джексон, более-менее освоившийся в редакции, просто-напросто повесил на дверь лист со своей фамилией.

Шеф посмеялась, но ничего не сказала.

Джексон вышел из лифта, быстро прошел по коридору, мысленно уговаривая себя не злиться — или, по крайней мере, злиться чуть меньше, — и остановился возле двери. Теперь табличка на ней была металлической, полноценной: Джексон с привычным самодовольным теплом погладил гладкий отполированный край, медленно выдохнул и толкнул дверь.

Это было похоже на сцену из фильма, и, честное слово, Джексон почти удивился тому,

что бумажный самолетик не упал на месте, а долетел ровно до мусорного ведра. Он проводил его взглядом и только потом повернулся к своему, видимо, наказанию.

Их было двое, и оба как будто сбежали из старшей школы. Тот, который поспешно соскальзывал со стола, выглядел еще поприличней — не считая того, что в расстегнутом вороте рубашки виднелся край футболки, а галстуком служил ремень от камеры, — но второй...

Не то чтобы Джексону не нравились татуировки. Не то чтобы он считал себя иконой стиля — точно не сейчас, раз уж на то пошло, не парню в затасканной толстовке критиковать чей-то внешний вид. Но все же —

— но все же этот, если верить бейджику, «стажер Скотт Маккол» выглядел как смесь панка-переростка со сбежавшим с уроков старшеклассником, и это нравилось Джексону даже меньше, чем сам факт необходимости нянчиться с ним.

Джексон еще раз обвел взглядом кабинет. Стажер Маккол стоял ровно посреди кабинета и тарачил на него глаза. Второй, чьего бейджика Джексон так и не разглядел, переминался с ноги на ногу и мучительно пытался одернуть пиджак. На столе валялась пара свежих и совершенно лишних папок. Из мусорного ведра торчал хвост самолетика и угол большой картонной коробки. Кажется, от пиццы — Джексон сглотнул слюну, медленно прикрыл глаза и спросил:

— Какого хера?

— А почему ты спрашиваешь? — стажер Маккол склонил голову к плечу.

Как большая добродушная собака, подумал Джексон. На собак у него была аллергия, а добродушие вдруг как будто стало последней каплей в том, что называют чашей терпения.

Он, честное слово, понятия не имел, почему не выставил Скотта долбаного Маккола из кабинета. Может быть, смутное ощущение: дальше шефа они оба все равно не уйдут, — может быть, внимательный взгляд второго стажера.

— Извините, — сказал второй, делая небольшой шаг вперед и оказываясь рядом со Скоттом. — Вы мистер Уиттмор?

Джексон кивнул. Он, наконец, рассмотрел бейджик второго — Мэтт Дэлэр, фотограф-стажер, — и почувствовал себя чуть лучше. По крайней мере, ему предстояло искать в меру простые занятия только для одного недоучки, второго можно будет просто таскать с собой.

Вдруг пригодится.

— Извините, — повторил Мэтт.

— Да, — Джексон дернул подбородком и прошел к своему столу.

Стажеры синхронно повернулись за ним. С нового ракурса Маккол походил на пса еще больше — не дать не взять здоровенная, разожравшаяся лабрадорина. У кого-то из маминых приятелей была такая.

Растерявшая форму охотничья псина лизалась и клячила сыр у всех, кроме Джексона. На него она отчаянно рычала. Он на нее чихал. У них были мир и взаимопонимание.

Джексон приземлился в кресло, сдвинул на самый край стола папки — резюме? портфолио? еще какой-то аналог личного дела в качестве приветствия от дорогого начальства? — вытащил из кармана мобильник и диктофон.

Стажеры пялились, и это было даже немного смешно.

Джексон посмотрел на них и скомандовал:

— Исчезните на полчаса, — и добавил, обрывая приоткрывшего рот Маккола: — Почитаю пока, — он махнул рукой в сторону папок.

Соврал, конечно. Он не собирался разбираться с тем, что ему подсунула шеф. Просто потерпеть, сколько там, пару месяцев? Ничего, умеренно-мучительной работы для Маккола хватит с горкой. Кто-то же должен заниматься скучными вещами.

Писать прогноз погоды, например.

Джексон хмыкнул, покосился на захлопнувшуюся за спинами стажеров дверь и разблокировал телефон. Заметка о самоубийстве Александра Арджента высветилась вместо привычной заставки. С полсекунды Джексон просто таращился на экран, не в силах отвести взгляд и сделать что-то осмысленное, и за это время в теплом, душноватом офисе вдруг стало холодно.

Настолько, что, кажется, даже воздух затвердел.

Джексон стиснул зубы и медленно выдохнул. В детстве, после смерти отца, он занимался всякой йогой и прочими медитациями, и до сих пор четко помнил: дыхание — самое главное. Успокой дыхание, и все остальное успокоится само.

Ну да, конечно.

Это было — дурью. Чем-то нереальным. Чем-то из очень-очень старых фильмов, потому что в жизни, — в нормальной реальной жизни, — не бывает дурацких, нелепых совпадений, выводящих главного героя на разгадку страшной тайны.

Ну да, главного героя. Если бы я был персонажем чего-то такого, подумал Джексон, открывая текстовый редактор и приближая фотографию, я был бы наглым говнюком в самой жопе сюжета.

Часть 4

На этот раз его не звали. Джексон лопатками чувствовал взгляд Пэрриша, злой и настороженный, и это снова заставляло его улыбаться.

Вообще-то, день был прекрасный. Настолько прекрасный, что Джексон даже позволил Макколу поехать с ними, когда речь зашла о новом труп. И это при том, что всю последнюю неделю он только и делал, что наслаждался видом пушистой темной башки, склоненной над клавиатурой.

Ну, в перерывах между борьбой с собственными дедлайнами — но об этом Макколу никто не докладывает. Почему-то было гораздо приятнее, что Маккол думал, будто вкалывает в гордом одиночестве.

И корчил страдающие рожи в полной уверенности, что никто этого не заметит.

Ага, как же.

Ладонь Пэрриша опустилась на его плечо. «Ладно, — подумал Джексон, оборачиваясь, — работаем».

У них снова был крайне художественный труп: Мэтт уже победно размахивал фотоаппаратом — видимо, добыл пару ярких кадров, Скотт крутился где-то рядом, строя щенячьи глазки напарнице Пэрриша, а сам Пэрриш — ну, Джексон смотрел на него и искренне надеялся, что сказочная наглость, природное обаяние и значок «Пресса» все-таки произведут должное впечатление.

В крайнем случае, он всегда может написать, что полиция отказалась давать комментарии.

— Итак, — сказал он, — кто это? Очередная большегрудая модель?

Челюсть Пэрриша тяжело напряглась. Джексон склонил голову к плечу — собачье движение Маккола оказалось на редкость прилипчивым — и протянул:

— Да брось.

Получилось — как у капризной девицы. Пэрриш вздрогнул, дернул уголком рта, обозначая подобие улыбки, и Джексон хмыкнул в ответ.

— Давай, — сказал он, — я же все равно узнаю.

Пэрриш посмотрел на него одновременно усталым и тяжелым взглядом, и Джексон почувствовал, как что-то внутри одновременно собирается и тянется мутным, тяжелым предчувствием.

— Кейт Арджент, — сказал ему Пэрриш.

Джексону на секунду показалось, что он сделал шаг назад. На самом деле этого не случилось: Пэрриш по-прежнему держал его за плечо, — но ощущение было именно такое, отбрасывающее, неуверенное, почти паническое.

За всю неделю он так и не выкроил пары часов на встречу с этой женщиной: за время отпуска накопилось порядочно работы, да и шеф, не стесняясь, скидывала на него все самое срочное, — но какая-то галочка в голове стояла.

Ну да, галочка, если бы.

Он хотел найти Кейт Арджент, прижать ее к стенке — может быть, даже буквально, хотя она и не выглядела одной из тех заумных и слегка наивных девиц, которые обычно велись на его обаяние, — и узнать все возможное о трупке Эрики Рейес. И заодно об Александре Ардженте. Да, она не знала его лично, но что-то ей рассказывали наверняка.

«Стоп, — оборвал себя Джексон. — Стоп».

Где-то за полицейским ограждением лежал труп этой женщины. Джексон вспомнил как будто фрагментами: эффектный блонд, живая хищная усмешка, собственнические объятия на фото с племянницей, — и на секунду ему поплохело.

Это было привычным. Почти нормальным — он читал про Кейт, следил за ее твиттером, инстаграмом, фейсбуком. Понемногу изучал ее привычки, намечал стратегию для диалога. Как будто заочно привязался.

И она была мертва.

Честное слово, с «незнакомыми» трупами было как-то проще: там не имела такого значения личность. Имело значение преступление — место, время, обстоятельства.

«Место, — повторил про себя Джексон, — время и обстоятельства».

В голове было как будто шумно, и, отвлекаясь от этого шума, Джексон спросил:

— Что-то по обстоятельствам? О чем стоит знать общественности.

— Ничего конкретного, — Пэрриш дернул плечом и вдруг тихо, серьезно добавил: — Я позвоню, когда кое-что прояснится.

— Кое-что? — уточнил Джексон почти насмешливо.

Пэрриш неведомым образом возвращал его в привычное, почти комфортное состояние насмешливой самоуверенности — сродни тому, которое испытывает капитан школьной команды после победы над сложным соперником.

Быть на вершине — и плевать на то, что остается внизу. Просто отучить себя думать об этом. Когда-то Джексон поймал это состояние и не собирался упускать его в ближайшие лет двадцать.

— Кое-что, — кивнул Пэрриш, наконец убирая руку с его плеча.

Джексон согласно улыбнулся — уголками губ. Пэрриш был слишком хорошим для того, чтобы нарушать обещания. Особенно такие. А еще у них были фотографии тела, и, возможно, они не так уж и нуждались в сведениях Пэрриша.

Джексон коротко кивнул Мэтту, искал глазами Маккола — тот сидел на корточках возле здоровой черной зверюги и снизу вверх улыбался девушке-копу.

— Эй, — окликнул его Джексон.

На голос они повернулись одновременно — Маккол и зверюга. То есть, это был пес: не самый крупный из всех знакомых Джексону, не самый агрессивный, но странно остромордый и подозрительно грязный. Слишком грязный для полицейской собаки.

— Простите, — Маккол потрепал пса по холке, кивнул девушке и выпрямился.

В офис они возвращались в молчании: Мэтт возился с камерой, Маккол щелкал клавиатурой смартфона. Сам Джексон просто листал блокнот, как будто надеясь найти на пустых страницах какие-то ответы.

Например, эссе о том, почему ему вдруг так паршиво и как с этим бороться.

В первый раз они заговорили уже в кабинете — Джексон махнул рукой в сторону компьютера и устало скомандовал:

— Перекинь фотографии, максимально увеличь при сохранении качества. Будем изучать.

— Не учите ученого, — буркнул Мэтт, просачиваясь на рабочее место и принимаясь колдовать над компьютером.

Надо сказать, Мэтт был действительно неплохим фотографом: с учетом того, что фотографировал он из-под полы, качество вышло вполне терпимым. Джексон медленно выдохнул и осмотрел картинку еще раз.

Кейт Арджент — он ни за что не узнал бы ее, если бы Пэрриш не назвал имени, настолько отличалось тело в белом меловом контуре от той радостной стервы на вчерашних селфи из инстаграма, — лежала на асфальте, головой в живописном облаке когда-то светлых волос, теперь сбившихся в ком и потемневших от крови.

Ей, кажется, разодрали глотку. По крайней мере, так показалось Джексону: шея зияла розоватыми обрывками мышц, где-то в глубине виднелись белые осколки — позвоночник, очевидно, — и... кровь. Вокруг головы и шеи было много крови, и Джексон почему-то не мог отвести взгляд.

Мыслей в голове не было. Его охватила какая-то болезненная, напуганная пустота, и что-

то внутри, что-то всегда рациональное, старательно возвращенное как раз для таких случаев, никак не могло сказать: «Тогда все было совсем иначе».

Конечно, иначе. Когда в человека стреляют, не бывает, просто не бывает такого открытого, обезоруживающего провала, такого жутковатого сочетания красного и белого. Когда в человека стреляют, даже кровь льется совсем иначе.

Конечно, иначе, подумал Джексон, с трудом прикрывая глаза.

— Эй, — тихо сказал Маккол, — вы в порядке?

Джексон не стал отвечать: медленно выдохнул, постучал по корпусу монитора, потер опущенные веки. Он чувствовал себя как будто выжранным до основания, но да, вообще-то, это еще довольно точно соответствовало определению «в порядке».

— Фотографии хорошие, — сказал он вместо этого, больше ощутил, чем увидел сразу две улыбки, и тут же поторопился избавиться от этого чувства: — Кажется, ее убило животное. Какое-то животное.

— Покажите, — Маккол перегнулся через стол, развернул монитор к себе и неловко пояснил: — Я подрабатывал ветеринаром в старшей школе. Люблю животных. И они меня.

Джексон вспомнил черного бродячего пса, хмыкнул и кивнул:

— Чуют в тебе собрата по разуму.

Маккол поднял взгляд, мягко нахмурился и, кажется, вознамерился что-то ответить. «Ну вот еще», — подумал Джексон и немедленно посоветовал:

— На фотографии лучше смотри, эксперт.

Маккол дернул плечом, Мэтт согласно хмыкнул. Джексон посмотрел на них, склонившихся вдвоем к монитору, и неожиданно почувствовал что-то смутно похожее на умиление. Ну, то есть, еще неделю назад они не могли рассортировать черновики по рубрикам, а теперь работают. Приносят пользу. Под его чутким руководством.

«Прекрасно», — подумал Джексон, нетерпеливо постукивая пальцами по пластиковому корпусу клавиатуры.

— Знаете, — вдруг сказал Мэтт, — мне это все что-то смутно напоминает.

— Конечно, напоминает, — ответил Маккол, выпрямляясь.

Взгляд у него был какой-то не такой. Джексон прищурился, склонил голову к плечу, пытаюсь взглянуть, но Маккол моргнул, и наваждение — ощущение алого раздосадованного блика за карей радужкой — схлынуло.

— На нее напало животное. Не собака. Скорее, горный лев. Как... Как у нас дома.

Они с Мэттом переглянулись.

— Горный лев, — повторил Мэтт. — Ты имеешь в виду, та тварь, которую застрелил отец Эллисон?

— Что-то вроде того, — кивнул Скотт.

«Эллисон, — подумал Джексон. — Ее отец застрелил пуму».

Не то чтобы в их стране были какие-то проблемы с оружием. Джексон слышал, что в некоторых странах полиция знает в лицо каждого держателя огнестрела, но ни один коп в Калифорнии не занимался такой ерундой.

И все же — семья Арджентов торговала оружием на протяжении почти двухсот лет.

Племянницу Кейт Арджент звали Эллисон.

Джексон чувствовал себя как будто в замедленной съемке, произнося:

— Скотт, мне нужно, чтобы ты кое-чем занялся.

Часть 5

Это началось давно — привычка стрелять, чтобы успокоиться.

Джексону было лет семнадцать, когда он сделал это в первый раз — отбросил недописанное сочинение, сгреб с постели куртку и пошел в тир. Когда он вернулся, четыре часа спустя, вымокший под дождем и абсолютно счастливый, мать ни о чем не спросила — та выходка пришлась на «Маргарет»-период их отношений: звать друг друга по именам, не отвечать, не лезть лишний раз в душу.

Через год он разжился собственным пистолетом — пришлось смотаться в соседний штат, но оно того стоило, — привык проводить в тире как минимум три вечера в неделю, познакомился и подружился с владельцами и приучил себя хотя бы не вздрагивать при виде оружия в чужих руках. То есть, не то чтобы прежний, совсем неконтролируемый страх сильно мешал ему жить — мешал бы теперь, — но побеждать его было в определенной степени приятно.

Пэрриш, с которым он познакомился уже во время учебы, как-то раз предположил, что он попросту просто подсел на это чувство: «я плюю в лицо своему страху». Джексон послал его нахрен, предрек провал на экзамене по криминальной психологии и ожидаемо угадал. Пэрриш после этого полмесяца избегал разговоров, а потом взял и подкинул тему из полицейской сводки: у Джексона до сих пор было смутное подозрение, что товарищ по тренировкам пытался его напугать, а не вдохновить на дальнейшие приключения.

Он хмыкнул, сменил обойму и снова прицелился. Большой зал, самый удобный, был забит под завязку, но старик Шэмман из большой любви и по старому знакомству пустил его во второй, частный — Эмили, внучка старика, привычно хмыкнула, выдавая ключи, и полусуто попросила быть хорошим парнем и ничего не ломать. В ответ Джексон точно таким же тоном признался, что бардака ему вполне хватает на работе, иначе бы ноги его в тире не было.

Дело было не в этом, на самом деле. Да, стрельба помогала справиться с повседневным напряжением, но главным было другое: ощущение оружия в руках давало возможность загнать в дальний угол сознания напуганного, неуверенного в себе ребенка, который до сих пор чертовски мешал ему жить.

Того ребенка, который видел, как застрелили его отца — приемного, как выяснилось позже, но сути дела это не меняло.

В ноябре Джексону исполнилось двадцать четыре, но мелкая паскуда по-прежнему периодически вылезала, заставляя сомневаться в собственном умственном здравии и вгоняя в тупейший ступор при малейшем признаке стресса.

На этот раз, правда, он почти что мог себя оправдать: любой засомневался бы, придя к тем же выводам.

Все началось с Эллисон Арджент — Маккол каким-то образом уговорил ее встретиться и поговорить. На эти самые «разговоры» Джексон угробил полторы недели и, если честно,

не мог с уверенностью сказать, был ли в них какой-то практический смысл.

Эллисон не сказала ничего ни о Кейт, ни о том самоубийце из мотеля. Единственное, ненароком обмолвилась про города, в которых жила: Ардженты часто переезжали.

Городов, впрочем, больному воображению Джексона хватило более чем. Он медленно выдохнул, прицелился, нажал на спуск и в ту же секунду вспомнил криво расчерченный лист бумаги, распечатки с новостных сайтов и из частных блогов и очаровательную статистику: в восьми из десяти городов, где Ардженты жили, случались странные нападения диких животных.

Животных ни разу не ловили, зато находили свежие трупы. В основном, бродяг: зарезанных, застреленных и, внимание, разрубленных напополам мечом.

Джексон поверил бы в случайные совпадения, если бы речь шла не о городках с населением в от трех до пятнадцати тысяч, — и, дайте подумать, не о восьми городках подряд. И это не считая Бикон-Хиллз, в котором, если верить сайтам, вообще происходила какая-то чертовщина, вплоть до кровавых жертвоприношений.

Он посмотрел на круглую мишень, пробитую чуть левее центра, и снова прицелился — в этот раз он твердо решил отработать чисто и на том покончить. «Пока меня не выставили», — мысленно хмыкнул Джексон.

Отстреляться чисто не получилось: перед крайним выстрелом Джексон отвлекся, дернулся на чуть слышный скрип двери, и пуля чуть не ушла в молоко, зацепила мишень только краем.

На пороге стояла Эллисон, слегка удивленная и улыбающаяся наполовину фальшивой от постоянного использования улыбкой. Джексон опустил пистолет и неловко улыбнулся в ответ, поспешно пытаясь втиснуться в тот образ нахального и обаятельного, которым обычно пользовался с девушками.

— Привет, — выдал он. — Ты тоже стреляешь?

— Нет, — Эллисон улыбнулась снова, уже искреннее и как будто чуть расслабившись. — Мои родственники. Мы еще не оборудовали собственный зал, а тренироваться все-таки надо.

— А, — Джексон кивнул и чуть опустил голову, машинально щелкая предохранителем и убирая пистолет в поясную кобуру.

Эллисон отступила от дверей, давая ему пройти, и на секунду замерла рядом, пока он гасил свет и гремел ключами.

— До пятницы? — спросила она, когда он обернулся.

— Верно, — хмыкнул Джексон, и Эллисон коротко кивнула, снова отступая и поворачиваясь к нему спиной.

Она, видимо, возвращалась к семье — секунду Джексон смотрел ей вслед, а потом повернулся к лестнице.

Уже поднимаясь, на полпути к двери, он почувствовал, что ему вслед смотрят тоже — но вовсе не Эллисон. У девушек не бывало таких взглядов: тяжелых, невыразительных и внимательных. Джексон вздрогнул и резко обернулся.

В коридоре было темно, но, Джексон мог поклясться, где-то там — где-то там он заметил два красных огонька. На секунду он замер, стиснув пальцами металлические перила и пытаясь унять неожиданную дрожь, а потом поспешно, почти бегом, бросился наверх.

Он почувствовал себя спокойно, только вывалившись в холл: яркий свет, секунда тишины, насмешливый взгляд старика Шэммана.

Под этим взглядом Джексон медленно выпрямился, расправил плечи, прошел к стойке, привычным движением расстегивая внутренний карман и отсчитывая купюры. Старик кивнул ему, быстро пересчитал деньги и поморщился:

— Завязывал бы ты с ночными прогулками, Уиттмор, — он кивнул на часы и со вздохом пояснил: — Непокойно тут в последнее время.

Джексон пожал плечами и машинально уточнил:

— Где именно?

— В районе офиса, — охотно отозвался старик, — знаешь же?

Джексон кивнул. Тир — спортивный комплекс, вообще-то, но Джексон по привычке фокусировался на самом для себя интересном, — был расположен в скверном районе. Лет семь назад здесь еще было вполне ничего, работал филиал какой-то крупной компании, но со временем тот то ли переехал, то ли просто перестал работать. А строения остались: пара складов, комплекс парковок, узкое, похожее на башню какого-то форта, здание офиса. В нем было всего пять этажей, но на фоне остального оно казалось почти огромным.

— И что там? — без особого интереса спросил Джексон.

Старик ухмыльнулся. Про него, вообще-то, говорили, что он отъявленный параноик, но Джексону это почти нравилось. По крайней мере, послушать его бывало забавно. Хотя бы в качестве тренировки на самообладание.

— А вот эти там, которые сейчас в большом зале палят. Я их у офиса-то с неделю назад видел, парочку, и вот узнал сейчас. У меня, знаешь, глаз-алмаз. Ходят там, тихарятся, да не как подростки, нет. Пару местных банд уже разогнали.

Второй раз за сутки Джексону показалось, что у него не все в порядке с головой. Он не очень помнил, что ответил, как закончил разговор, как добрался до съемной квартиры,

но помнил: криво начерченная таблица, захлопнутый ноутбук, три пропущенных вызова: от матери, от шефа, от Маккола.

Еще он помнил странную, почти насмешливую мысль: вот Макколу он нужен больше всего, обнаглевшему придурку Макколу, с его привычкой улыбаться улыбкой огромной собаки. С его дурацкими футболками, с татуировками на руках, со странным бликом в глазах. С какой-то нереальной, живой повадкой — и хватит об этом думать.

Ночью он не спал, а утром, в самом начале рабочего дня, позвонила Эллисон.

Голос ее, отвратительно, солнечно бодрый и слегка виноватый, отдавался у Джексона в голове болезненным эхом, пока она объясняла: она не сможет с ним поужинать в пятницу, семейные дела, необходимо присутствовать.

— Да, — ответил ей Джексон, — конечно.

Он думал о том, насколько дела Эллисон связаны с мертвой Эрикой Рейес и шорохом в районе складов. Еще он думал: почему от взгляда чертова Маккола его пробирает той же дрожью, что от красноватого отблеска в темноте коридора?

Часть 6

О'кей, это была плохая идея, действительно плохая, и Джексон готов был даже признать это вслух — ну, если бы это спасло ему жизнь.

Дуло пистолета ткнулось ему в затылок.

— Иди, — голос у мужчины был мягкий, как будто даже сочувствующий.

Джексон подавил острую вспышку какого-то чувства между страхом и раздражением, и пошел вверх по лестнице — послушно и тихо. Иначе с этими ребятами не получалось, это на своей шкуре проверил Мэтт.

В голове у Джексона против воли всплыло: Мэтт вскакивает на ноги, орет что-то про полицию, он сам поспешно отползает куда-то в сторону, потом раздается выстрел, Мэтт делает два шага назад, а вместо головы у него уже кровавое месиво, рукава толстовки Джексона мокры от крови, и он не может двигаться, только смотрит, как падает тело Мэтта, и ничего не может сделать, пока дуло пистолета не упирается ему в затылок.

Вот точно как сейчас.

Джексон сглотнул, чуть опустил голову, чтобы минимизировать контакт кожи с металлом дула и подумал: вот так выглядит смерть.

Ступеньки.

Обшарпанные, скрипучие ступеньки в заброшенном офисе на краю города. И ты поднимаешься на крышу. Отличная метафора — Джексон дернул уголком губ и остановился.

Ступеньки закончились.

— Открой дверь, — произнес тот же мягкий голос.

Джексон примерно представлял его обладателя: мужчина лет сорока пяти-пятидесяти, поджарый, ловкий, с уверенными жесткими руками. Неплохой, наверное, в целом. Обязательно примерный семьянин. Жена, дочка — Эллисон, например, по возрасту примерно подходит. Наверное, сестра.

И однажды непременно окажется, что сестра трахает дочку. Или жену.

Джексон сдержал нервный смешок и попытался мысленно набросать соответствующую статью: драма среднего класса, запретная любовь, отец семейства в шоке, все одновременно саркастично и с ноткой участия. И с обязательным реверансом в сторону ЛГБТ-движения.

И фотография вот этого самого, мягкого, во всю полосу.

Слово «фотография» закономерно проассоциировалось с Мэттом. Джексон зажмурился, подумал, что можно было не пытаться отвлечься, и толкнул дверь.

Яркий солнечный свет резанул даже сквозь сомкнутые веки, и в этот момент Джексона толкнули в спину. Какое-то мгновение он думал, что все закончится прямо сейчас: чертов Арджент разрядит пистолет ему в спину, труп вывезут за город и скормят свиньям или... — а потом жесткое покрытие врезалось в машинально подставленное плечо, и тело выполнило вбитую годами тренировок связку.

Сгруппироваться, перекатиться, встать, оценить уровень повреждений. Последнее прозвучало в голове голосом какого-то чокнутого сенсея из старого мультсериала. А потом Джексон услышал настоящий голос: хриплый, больной и ласковый. Они тут, кажется, все были такие, до дрожи приторные.

— Очаровательно, — сказал голос.

Джексон обернулся.

Они постепенно стягивались к двери, пятеро вооруженных мужчин, и крепкий старик с белыми, сухими глазами. Джерард, кажется, так его звали. Не то чтобы сейчас это имело значение.

Джексон не был слаонервным — по крайней мере, он не считал себя слаонервнее статистического большинства, — но одного взгляда этого старика он испугался больше, чем всех шести пушек. Он машинально отступил на пару шагов, и продолжал отступать — уже осознанно, — пока не уперся спиной в высокое ограждение.

Тогда старик улыбнулся — мягкой улыбкой доброго дедушки — и медленно пошел к нему. И, черт, в этот момент Джексону больше всего хотелось просочиться сквозь ограждение. Ну, или хотя бы заставить себя перестать трястись.

Старик, его псы, этот чертов дом — все пугало настолько, что трудно было дышать. Внизу, возле трупа Мэтта, в пустой большой зале, даже на лестнице, под прицелом пистолета, он еще мог держаться, но ласковые улыбки старика, кажется, добились его: страх как будто бился в костях, в такт пульсу, глаза слезились, явственно дрожали руки. Джексон сам не заметил, как вцепился в проволочную сеть — когда старик остановился в паре шагов от него.

— Хорошая работа, — старик качнул связкой ключей, и Джексон заметил свою флэшку — оставленную, между прочим, дома флэшку, — прикрепленную вместо брелока.

Это было похоже на озарение: Джексон ухватился за это слово, «работа», и затараторил, почти не разбирая собственного голоса:

— Слушайте, если, то есть, моя работа, если вам нужна моя работа...

Старик смотрел ласково и иронично, и под этим взглядом Джексона несло все дальше. Он путался в словах, запинался, кажется, даже смеялся, но не мог заставить себя

умолкнуть, пока старик не сказал:

— Нет.

Это одновременно ударило и отрезвило, и Джексон вдруг почувствовал себя убийственно-спокойным и чертовски храбрым. По крайней мере, ему хватило смелости поднять голову, поймать сочувственный взгляд одного из Арджентов — своего конвоира, возможно, — и посмотреть на старика.

— Ладно, — Джексон торопливо облизнул мгновенно пересохшие губы, — хорошо. То есть, что тогда?

— Снимай толстовку, — приказал старик.

Слова дошли как будто не сразу. «Ну конечно, — заторможено подумал Джексон. — Кровь на рукавах». Мысль была мутной, почти панической. Все еще казалось: они застрелят его, как только он откроется.

Как будто была какая-то разница, какая-то чертова разница. В конце концов, хороший выстрел — легкая смерть. По крайней мере, так утверждал криминалист, осматривавший тело его отца. Правда, сейчас данная сентенция утешала слабо. Джексон медленно выдохнул, отлепился от ограждения и осторожно, обмирая от смеси страха и предчувствия, потянул толстовку вверх.

Ничего не случилось.

Джексон бросил толстовку к ногам старика.

— Отлично, — кивнул тот. — Как насчет предсмертной записки?

— У парня слишком дрожат руки, — сказал один из Арджентов.

Джексон подавил желание зажмуриться и покивать. Черт, он согласился бы с чем угодно, только бы не писать какое-нибудь жалобное и полное тупого вранья послание в духе: «В моей смерти прошу никого не винить».

— Джексон, — улыбнулся старик, — ты точно уверен, что не хочешь ничего написать, например, своей матери?

В груди екнуло. Джексон дернул подбородком, отворачиваясь, и буркнул:

— Уверен.

— Тогда прошу, — старик кивнул на широкую прореху в сетке и отвернулся.

Он шел к своим людям, и, глядя ему в спину, Джексон позволил себе секундочку помечтать: выстрелить бы в эту спину. Броситься бы, сцепиться, прокатиться по жесткому покрытию и задушить ублюдочного старика где-нибудь на самом краю крыши.

Джексон тряхнул головой и полез сквозь ограждение. Может быть, так у него появится хотя бы один шанс. После шести пуль шанса не будет точно.

Кто бы ни разрезал сеть, старался он хреново: Джексон машинально приподнял руку, защищая лицо, но это не помогло — кровь по щекам потекла все равно. Джексон стер ее резким движением и подошел к самому краю.

Всего пять этажей. Футов сорок пять, что ли. Не так уж и высоко.

Он правда может выжить.

Джексон зажмурился и крепко сжал губы. Да, ладно, наверное, теперь он был согласен на предсмертную записку и вообще на все, что Ардженты только могли предложить. Лишь бы не прыгать.

— Эй, — раздалось за его спиной.

Это был конвоир, тот самый сухой, уверенный Арджент с сочувственным тоном и пистолетом. Пистолет был при нем, а вот сочувствия как не бывало. Джексон думал: он выстрелит, — но Арджент толкнул его, и Джексон просто неожиданно потерял опору.

Толком почувствовать падение он не успел. Не успел даже испугаться, только понял: под ногами пустота, и воздух бьет в лицо, и это холодно, безумно, бессмысленно, а земля летит навстречу, асфальт, железо и балки, а потом кто-то оттолкнул их, и вместо боли Джексон почувствовал удар, тяжелый и одновременно мягкий, и на земле кто-то оказался под ним — кто-то, казалось, огромный.

Несколько почти бесконечных мгновений Джексон просто пытался отдышаться и осмыслить: он жив и цел, — а потом существо под ним заворчало.

— Ч-ч-ч...

«Что ты такое», — хотел спросить Джексон, но существо прижало когтистый палец к его губам, и это было почти хорошо. В конце концов, Джексон не был уверен, что сможет полностью выговорить хотя бы одно слово.

Существо посмотрело на него долгим внимательным взглядом, тяжело и очень по-человечески вздохнуло и помогло подняться. По крайней мере, дало Джексону опереться на свою лапу. Теперь Джексон смог хотя бы сосредоточиться и рассмотреть его. Оно было удивительно небольшим — немногим выше человека, немногим шире в плечах, — явно привычным к передвижению на всех четырех и ощутимо чуждым. И дело тут было не в уплощенной морде, не в острых ушах, когтях, клыках и прочей атрибутике.

От существа ощутимо несло чем-то таким, пограничным.

Как будто оно существовало не полностью.

— Эй, — начал было Джексон.

Еще существо оказалось стремительным: Джексон даже не понял, когда крупная, шершавая лапа закрыла ему рот, а само существо буквально воздвиглось за спиной.

— Умолкни, — тихо, отчетливо проговорило существо.

Когти царапнули Джексону щеку, поверх уже имеющихся ссадин, и существо тут же отстранилось, отошло на пару шагов, прижалось спиной к стене и махнуло лапой: иди, мол, за мной.

И Джексон пошел. В конце концов, куда бы существо его ни вело, это было лучше, чем оставаться под окнами у Арджентов.

Они прошли, кажется, пару кварталов, — Джексона даже успело отпустить: сердце больше не частило, руки перестали трястись и стало холодно и больно, как будто все ссадины разом занули, — когда существо обернулось и проговорило:

— Иди.

Голос у него был глухой и напряженный, как будто рычащий. Джексон покосился на внушительные клыки и решил, что рык с существом, в принципе, сочетается.

— Иди, — повторило существо. — Домой. Все будет хорошо.

Часть 7

Джексон соврал, когда его допрашивали, и толком не мог объяснить, почему. Это было, просто, естественным. Необходимым. Как будто правда — «Джерард Арджент приказал сбросить меня с крыши»-правда — могла сломать что-то важное.

Могла отнять у него всю эту историю и существо в придачу.

На работе он соврал тоже — шеф то ли в кой-то веке не поняла, то ли решила простить, а вот с Макколом было сложнее. Маккол сидел напротив, через стол, и совершенно бесстыже пялился. Ну, то есть, смотрел.

Это нервировало. Мешало. Почти пугало, хотя какое-то время Джексон был уверен, что после Арджентов его уже вообще ничего не напугает.

Маккол, вроде как, знал, зачем они туда шли, и теперь, под его взглядом, Джексон вспоминал: вот он вваливается в кабинет, кидает на стол таблицу, пару записей на выданных из блокнота листах, план офиса и флэшку с источниками, вот Мэтт хватается за нее, а Маккол почти машинально пригребает к себе записи, начинает разбирать и почему-то мрачнеет с каждой бумажкой, и сам Джексон от этого почему-то почти смущается — энтузиазм, по крайней мере, начинает меркнуть.

Маккол говорил, что это безумие. Мэтт говорил, что для безумия это слишком логично. Джексон говорил, что они ничего не теряют, а Маккол может и не идти никуда, а вот остаться в офисе, караулить материалы и дописывать статью про школьников и наркотики.

Потому что кто-то же должен делать скучную работу.

«Ничего не теряем», — мысленно повторил Джексон.

Ну да, конечно, ничего. Он ничего не потерял. Даже, можно сказать, приобрел новые знания — оказывается, от пули бывает и так, с красно-серыми брызгами, белой костяной крошкой и прочими неаппетитными подробностями. Джексон не был уверен, что это знание ему сильно необходимо.

То есть, он должен был привыкнуть. Ему казалось, что он привык — привык к трупам разной свежести, привык смотреть на них без эмоций, привык писать о них без эмоций, — но это снова было чем-то личным.

Намного сильнее, чем Кейт Арджент.

Мэтт был его виной. То есть, если бы он не затеял этот безумный проект с «давайте влезем в разборки потенциальных убийц и проверим, что получится», ничего бы не произошло. Так что — его вина.

— Эй, — сказал Маккол.

Джексон вздрогнул и поднял голову. Он не заметил, как Маккол подошел, оперся одной рукой на стол, а другую положил на спинку кресла, чуть разворачивая его к себе.

— Слушай, — негромко сказал Маккол, — ты...

— Если ты скажешь, что я не виноват... — перебил его Джексон и тут же сбился сам. Вместо угроз в голове был какой-то беспорядочный клубок слов, мыслей, эмоций, и, честное слово, он больше верил в то, что расплатится у Маккола на плече, чем в «я тебя придушу».

— Ты меня? — с оттенком чего-то похожего на насмешку переспросил Маккол.

— Пошлю нахрен, — вяло огрызнулся Джексон.

Какая-то часть его сознания — не занятая, очевидно, рефлексией по поводу всего произошедшего и смакованием чувства вины — утверждала, что это самая унижительная ситуация из всех возможных, но Джексон, на самом деле, мог припомнить с десятков много худших.

— Посылай, — отозвался Маккол все тем же спокойным и теплым тоном.

«Как будто он разговаривает с ребенком, — невольно подумал Джексон. — Или с животным в своей клинике, ветеринар долбаный». Он медленно выдохнул и поднял взгляд на Маккола, только теперь осознавая, насколько близко тот на самом деле был.

Они почти соприкасались лбами, и Джексон четко видел острую линию скул, слишком яркие для парня губы, темные родинки — и почему-то этот набор черт, обычно отталкивающий, вдруг показался ему привлекательным. Может быть, это был стресс: инстинкт жизни против инстинкта смерти и прочий Фрейд прямо здесь и сейчас, но долгую, почти бесконечную секунду Джексон думал только о том, как здорово было бы податься вперед, запрокинуть голову, подставиться под редкий солнечный свет, чтобы зазолотились веснушки, позволить Макколу — Скотту, — просто увидеть все.

Вместо этого он отвел взгляд — совсем ненадолго, но Скотту хватило, чтобы понять. Он отстранился, выпрямился, неловко развел руками, и иллюзия привлекательности треснула под натиском этого естественного, нелепого шевеления.

Джексон тяжело вздохнул и медленно поднялся.

— Передай шефу, что я не могу. — Он ткнул пальцем куда-то в сторону рабочего стола и отвернулся. Он правда не мог написать чертову статью.

— Конечно, — сказал Скотт.

За тепло и трепетную заботу в голосе хотелось его пришибить. В какой-то момент, уже по пути домой, Джексон подумал, что только это желание позволяет ему по-прежнему стоять на ногах. Черт, если бы он не думал о Скотте — о его дурацкой, почти унижительной заботе, о попытке утешить и поддержать, о примерещившемся узоре за

радужкой — он бы, наверное, с места не сдвинулся, гоняя по кругу одни и те же мысли.

«Теперь я буду делать это в квартире», — мысленно хмыкнул Джексон, проворачивая ключ в замке.

Где-то в глубине души он питал смутную надежду на какие-то перемены. Ну, например, вдруг он сейчас откроет дверь и вместо пустой столешницы увидит свой родной бардак из наполовину открытого ноутбука, горы набросков и распечаток и полноценной коробки с разноцветными флэшками?

Вместо этого он увидел аккуратно сложенную толстовку.

Свою чертову толстовку.

Джексон машинально сделал шаг назад, стараясь справиться с собой, поймать равновесие — хотя бы не навернуться от удивления и ужаса прямо здесь и сейчас. Кто-то был в его квартире, черт побери. Кто-то был в его квартире уже после Арджентов, и этот кто-то приволок его толстовку.

Существо?

Джексон медленно выдохнул, шагнул к столу, положил ладонь на ткань. Рукава толстовки были слегка влажными и заботливо отчищенными от крови. «Вау», — подумал Джексон с нервным смешком.

Под толстовкой он обнаружил записку и запечатанный выпуск какого-то комикса. На обложке красовался Супермен с креативно подсвеченными глазами. Джексон хмыкнул, отодвинул комикс в сторону и быстро пробежал глазами записку.

«Подумал, что следует вернуть твою вещь. Надеюсь, ты в порядке и не собираешься делать глупостей. Имею в виду, даже Супермен иногда не успевает, а мне до него далеко. Будь осторожнее».

«Прекрасно, — подумал Джексон. — Сверхъестественное нечто советует мне сидеть дома и, видимо, читать комиксы». Записка чем-то неуловимо напоминала черновики Скотта, даже бумага была как будто вырвана из его блокнота.

Джексон хмыкнул, плюхнулся на стул, пододвинул к себе комикс, подцепил коротким ногтем самый край пленки. Если сверхъестественной твари хотелось, чтобы он почитал эту «Несправедливость», он сделает такое одолжение.

О чем бы там ни было, оно будет лучше мыслей о Мэтте и Арджентах, в любом случае.

И, вероятно, лучше мыслей о Скотте.

Часть 8

Джексон не знал, как они пришли к этому разговору — не знал, в какой момент это началось: когда он пришел в офис после трех дней навязанного отгула, заполненных кофе, энергетиками, блоготом Стилиски из Бикон-Хиллз и комиксами? когда он плюхнул перед Скоттом грудью бумаг, результат очередного копания в сети? когда они вместе вспоминали кулон Эллисон Арджент, и он увлеченно тыкал в распечатку с символом клана «охотников»?

Просто в какой-то момент он посмотрел на картинку со жрущим кого-то оборотнем, устало провел по ней тупым концом карандаша и сказал:

— Я его видел. Не знаю насчет остального, но в оборотней я теперь, кажется... — под конец фразы он запутался в собственных мыслях, зажмурился, потер опущенные веки, махнул рукой в сторону встревоженного Скотта и упрямо повторил: — Я верю.

— Хорошо, — сказал Скотт. — Но давай поговорим об этом, когда ты отдохнешь и выспишься?

— У меня было три выходных, — буркнул Джексон и неловко двинул локтем.

Кружка — по счастью, пустая — брякнулась на пол. Скотт проводил ее взглядом, вздохнул — как-то очень по-собачьи, широко и уныло раскрывая рот, — вдруг поднялся на ноги, и Джексон, на секунду потерявший опору в виде его плеча, заметно качнулся.

Выражение лица у Скотта сделалось непередаваемое. Секунду Джексон просто сидел, неловко запрокинув голову и разглядывая неожиданно проступившую угрюмую морщинку поперек слишком прямого носа, тяжелый прищур и какую-то совершенно собачью терпеливую усталость — все как будто нарисованное на кофейной бумаге, — а потом ему вдруг показалось смешным поинтересоваться:

— У тебя в роду не было коренных американцев, а, Маккол?

Скотт не ответил — поднял чудом уцелевшую кружку, тяжело вздохнул, оперся ладонью на стол и наклонился к нему. Взгляд у него был неожиданно серьезный, когда он зачем-то положил вторую ладонь на ручку кресла и спросил:

— Зачем?

— Зачем мне эта информация? — Джексон неловко хмыкнул и шевельнул плечом, и Скотт на секунду закаменел.

Как каждый раз, когда кто-то другой заимствовал его жесты, словечки и манеру вести заметки. Джексону это, вообще-то, нравилось. То есть, нет, не реакция Скотта, а само ленивое, спортивного интереса заимствование: жесты часто рассказывали больше, чем слова. Особенно если прочувствовать изнутри, вслушаться в напряжение мышц, поймать тот же темп и ту же интонацию и разгадать весь смысл.

Со Скоттом пока не получалось: внешне простенькие жесты содержали какой-то секрет. Скотт двигался с обезоруживающей плавностью, которую Джексон не мог повторить, как ни старался. Может быть, дело было в этом.

Может быть поэтому он упускал смысл — в Скотте было что-то неповторимое.

«Ну да, — подумал Джексон с хищной, наполовину незнакомой иронией. — Неповторимое».

— Зачем ты это с собой делаешь? — проговорил Скотт с той же настойчивостью.

Джексон медленно выдохнул, чуть развернулся в кресле, откинулся на спинку, как будто расслабленно, и отозвался:

— Что именно — это?

То есть, если Скотт хотел поиграть в вопрос и ответ, он был совсем не против. Любимое упражнение на казуистику — как никак, каждому порядочному журналисту нужно в первую очередь научиться уходить от неудобных вопросов.

Вот только «неудобные вопросы» в условиях нормальной рабочей деятельности... Додумать Джексон не успел; Скотт сгреб его за грудки, тряхнул, и он только успел отстраненно удивиться: как это у них при такой небольшой разнице в росте и весе, такая разница в силе?

— Зачем?! — рявкнул Скотт, отпуская его рубашку, и Джексон поднял голову.

Скотт смотрел на него сверху вниз. Его лицо, снова почти спокойное, казалось каким-то совсем по-детски обиженным, и это странным образом вызывало у Джексона желание погладить Скотта по голове и предложить ему карамельку.

Правда, не факт, что Скотт взял бы — карамель ему, вроде бы, не нравилась. Он говорил об этом где-то в перерыве между подходами к сортировке архива, пополам с сумбурными воспоминаниями о старшей школе Бикон-Хиллз.

Он вообще часто и помногу говорил о старшей школе — Джексон делал вид, что не слушает, но в голове все равно откладывалось: Скотт дружил с сыном шерифа, встречался с Эллисон Арджент, был капитаном какой-то спортивной команды, имел проблемы со всеми предметами и до последнего пытался выучить биологию, чтобы поступить на ветеринара.

Джексон в тот раз, помнится, даже голову от статьи поднял — настолько поразительным казался разброс, — а Скотт в ответ пожал плечами и сообщил, что, вообще-то, поступил и учится, а здесь — ну, просто.

«Ну, просто» у Джексона в голове не складывалось. Вообще ничего насчет Скотта не складывалось, если уж так подумать. Джексон, откровенно говоря, не понимал, ни что он забыл в редакции, если журналистика его не интересовала, ни почему шеф его взяла —

умилилась наглости, что ли? — ни кем он вообще был.

Каким человеком — плюшевый, добренький парень с улыбкой лабрадора и глазами мишки Тедди, вечная всеобщая любовь, ходячее всепрощение. Скотта ему перманентно хотелось окунуть в какую-нибудь грязь поглубже, просто от дурного желания стереть с лица широкую, теплую улыбку. Просто чтобы он разозлился.

Джексон же чуял: есть там что-то в глубине, такое почти звериное.

Из парней вроде Скотта, при некотором внешнем нажатии, вырастали те самые мужчины, которые лупят любовниц за закрытыми дверями, а утром выгуливают общую собаку и рассказывают соседям забавные небылицы.

Может быть, Джексон просто не верил в настолько хороших людей.

— Зачем, — вполголоса повторил он, пытаюсь сконцентрироваться на диалоге, а не на собственных муторных, пространных мыслях. — Тебе не кажется, Маккол, что это не твое дело?

— Не кажется, — упрямо сказал Скотт, и Джексону на секунду показалось: глаза у него не карие, а красноватые, коньячные. — Мне кажется, что если тебе нужен виноватый, ты мог бы не врать полиции насчет Арджента. Мне кажется, что ты мог бы повесить вину не на себя, а на меня, потому что я вас туда отпустил. Послушай, Джексон, — он на секунду запнулся, прикрыл глаза, и повторил: — Послушай, я просто хочу помочь.

«Послушай, — мысленно повторил Джексон, — я просто хочу помочь».

Возможно, в этом были виноваты три бессонные ночи — обычно Джексон умел быть вежливым с полезными людьми, черт, он даже расставаться ухитрялся без скандалов, — но Скотт как будто задел внутри какую-то большую и очень нужную точку.

Он нравился Джексону, правда — несмотря на все тупое и непонятное, несмотря на собачью улыбку, — но предлагать помощь ему явно не следовало.

— Послушай, — сказал Джексон, — с чего ты взял, что мне это нужно?

Секунду Скотт смотрел на него, и невозможные коньячные глаза становились как будто больше и ярче с каждой секундой, — а потом резко развернулся и вылетел из кабинета, оглушительно хлопнув дверью.

Часть 9

Он не чувствовал себя в безопасности. Сначала это было естественным: смешно было бы предполагать, что человек, которого пытались убить, вот так просто возьмет и успокоится, — но время, черт его побери, шло.

Каким-то уголком сознания Джексон понимал: этого мало. Мало пытаться забыть и выбросить из головы, мало концентрироваться на других вещах, мало утрамбовывать в двадцать четыре часа основную работу, дополнительную работу, тренировки, разбор материалов про оборотней — кто бы ему пару месяцев назад сказал, что он будет всерьез заниматься таким бредом, получил бы совет проверить голову, — и чтение комиксов.

Комиксы, кстати, оказались вполне ничего: Джексон даже испытывал неопределенное желание полистать что-то кроме «Несправедливости». Что-нибудь чуть более оптимистичное. Ну, чтобы Супермен успевал.

Или чтобы успевала Лоис — Джексон усмехнулся неуместной мысли, медленно выдохнул и прицелился.

Да, он снова был в тире, и это совершенно точно не помогало.

Оружие не успокаивало. Звук выстрелов — ну, это уже не шокировало с той же отчаянной силой, но все равно будило какое-то тревожное, настойчивое желание обернуться и убедиться: за ним не стоит кто-то с заряженным пистолетом.

Джексон оборачивался каждый раз — обернулся и теперь, но вместо привычно пустого зала или, чего доброго, человека с оружием, он увидел оборотня.

Тот стоял в дверях, чуть боком, отвернув лицо? — морду? — в сторону, но Джексон видел все равно: острая линия скул, поросшая шерстью, чуть заостренное ухо, приоткрытые губы и желтая полоса клыков.

— Привет, — сказал оборотень.

Его ладонь лежала на стене, и Джексон отчетливо видел крупные желтоватые когти. Откуда-то взялась странная, как будто синхронизированная с чем-то в его теле мысль: такими, наверное, запросто можно было бы порвать кому-нибудь глотку.

Джексон поджал губы. Собственные инстинкты выли дуриной.

— Ты боишься, — сказал оборотень, сдвигаясь в сторону, поворачиваясь к нему спиной и прижимаясь лбом к стене.

Теперь Джексон видел вместо лица — кудрявый затылок и шею, поросшую вдоль хребта короткой темной шерстью. Выглядело странно, как-то что ли заманчиво и как будто знакомо — но тут стоило признать, что все, связанное с оборотнем, в последнее время казалось Джексону смутно знакомым.

Даже каждая чертова мысль.

— Нет, — помедлив, ответил он. — Я не боюсь.

«По крайней мере, тебя», — мысленно продолжил Джексон. Вслух, конечно, не сказал, но даже в мыслях это звучало как-то почти по-подростковому влюбленно. Или, ну, просто глупо — Джексон не хотел объяснять даже самому себе, почему первой ассоциацией стало именно это «влюбленно».

«Интересно, — подумал он, опуская голову и ловко перезаряжая пистолет, — подружка этого оборотня ему в старших классах что-то такое говорила?»

Джексон негромко выдохнул и сделал шаг вперед, к линии. У него оставалась последняя неотработанная мишень — самая дальняя, — и ни один оборотень не должен был помешать ему в благом желании отстреляться без ошибок.

Оборотень, что самое обидное, даже не пытался помешать. Он просто смотрел — даже не пялился, уж одно от другого Джексон отличать наловчился, — а Джексон совершенно бессмысленно дергался в каком-то невыразимом протесте.

От оборотня почти хотелось спрятаться.

Нет, он был здоровским. Интересным. Но он был частью этой долбаной истории с Арджентами.

Джексон медленно выдохнул, прицелился и спустил курок. Под взглядом оборотня удерживать сосредоточенность было трудно: через пару выстрелов мир сжался до расплывчатого контура мишени, движения пальцев и толчков отдачи.

«Восемь, — мысленно отсчитывал Джексон, — семь, шесть, пять», — уже привычно представляя вместо мишени лицо Джерарда Арджента.

— Четыре, — подхватил оборотень за его спиной.

На единице Джексон опустил пистолет, машинально щелкая предохранителем, и обернулся. Между ним и оборотнем было три метра и широкий металлический стол, но отчего-то это не казалось преградой. «А должно?» — задумался было Джексон.

Голос оборотня быстро вернул его к реальности.

— Если ты хочешь обвинить кого-то, кроме Джерарда, — сказал тот, — можешь выбрать меня.

«Господи, — подумал Джексон, — только не снова». У него уже был этот разговор, пусть не с оборотнем, со Скоттом, но сути это не меняло: он имел полное право утомиться от чертовых утешений, будь трижды проклят тот, кто придумал их как явление.

— Лучше, — сказал Джексон, — расскажи мне, что у вас общего.

— Он гоняется за мной с моих шестнадцати, — оборотень отчетливо хмыкнул.

— Расскажи, — повторил Джексон. Пистолет в руке вдруг начал казаться одуряюще тяжелым.

— Вначале он был простым охотником, — оборотень щелкнул когтем по стенке и тяжело, очень по-человечески вздохнул: — Убивал таких, как я.

— Как вы, — буркнул Джексон. Мысль о том, что его оборотень такой не единственный, слегка нервировала, но эту информацию он точно не собирался отрицать — без нее картинка в упор не складывалась.

— Таких, как мы, — послушно кивнул оборотень.

Он постепенно менялся. Каждое слово как будто делало его больше человеком, и Джексон следил за его превращением, с болезненной жадностью подмечая детали: распрямляются плечи, втягивается шерсть на загривке и на предплечьях, когти истончаются, становятся уже и мягче, и вместо бурых трещин на них проступают мелкие чернильные разводы.

Это не было красивым. Оборотень не был красивым, и ничто, связанное с ним, не было, но Джексон не мог отвести взгляд. Человек и зверь жили в оборотне одновременно, и их взаимодействие — взаимопроникновение, — путало мысли, сбивало восприятие, цепляло какой-то вопиющей неправильностью.

Смотреть, как оборотень перетекает из одного состояния в другое — первая волна холодной, заметной дрожи проходит от поясицы до плеч, вторая спускается по затылку и шее, — было как смотреть в бездну, в пропасть, в чью-то пустую глазницу. Еще это было как стоять на смотровой площадке Гранд Каньона: пустота, тишина и какой-то совершенно оглушительный внутренний надрыв, в котором эхом отражаются, проходя мимо сознания, все внешние звуки.

Завораживающе, вот как это было.

Долгую, почти невозможную секунду Джексон думал: как это было бы, быть на месте оборотня — быть вот так, наполовину, быть чудовищным совершенством, быть сильнее, быстрее, выносливее, что угодно еще.

Быть настолько лучше человека — навряд ли оборотня было бы легко пристрелить или сбросить с крыши.

Он медленно выдохнул, на секунду сосредоточился, восстанавливая в памяти наполовину пропущенную мимо ушей речь оборотня, и уточнил:

— То есть, в какой-то момент Джерард перестал хотеть убить всех оборотней, и начал хотеть, чтобы ты его укусил?

— Полагаю, теперь он просто хочет убить меня после того, как я его укушу, — в голосе оборотня, все еще хрипловатом, полном звериного порывивания, Джексону почудился смешок и что-то еще, болезненно-знакомое.

Теперь это точно не было иллюзией. Теперь это точно не было паранойей. Джексон неловко шевельнулся, только теперь осознавая, что все это время стоял неподвижно, сделал шаг к столу, осторожно положил на него пистолет, отстучал по металлической столешнице привычную мелодию — плечо оборотня дернулось, как будто от смешка.

С секунду Джексон смотрел на него, с неожиданной отчетливостью осознавая: он был чертовым идиотом. Все это время. С самого начала. С самого начала этот — этот придурочный и, черт бы его драл, пушистый, — играл с ним в какие-то свои волчьи игры.

— Повернись, — тихо сказал Джексон.

— Ты догадался, — полувопросительно и как-то беспомощно протянули в ответ.

Джексон не хотел врать. Он подозревал, вообще-то, что не сможет: способности оборотня при правильном использовании заменяли полноценный детектор лжи, — но нежелания все-таки было больше.

— Конечно, — сказал он.

Ладонь, по-прежнему лежащая на стене, дрогнула. Пальцы — обычные, человеческие пальцы — на секунду как будто заострились, оборотень сгорбился, тяжело, по-звериному выдохнул, очевидно, пытаясь справиться с собой, и медленно обернулся.

Секунду Джексон смотрел в его глаза — смотрел, как, бледнея, уходит алая искра, как сужаются зрачки, как вместо нечитаемой звериной пустоты где-то там проступает знакомое чувство вины, — а потом Скотт опустил взгляд.

— Знаешь, — сказал Джексон с неожиданной для самого себя горечью, — ты был прав оба раза. Это твоя вина, — и добавил, после секундной паузы, уже вполне осознавая одно конкретное желание: — Пошел прочь, Маккол.

Он просто хотел сделать больно — так глупо, искренне, по-детски, — но больно почему-то стало ему — когда Скотт послушался.

Часть 10

Конечно, это не могло закончиться так быстро, даже если Скотт долбаный Маккол упорно пытался убедить его в обратном.

Джексон опустил голову и осторожно пошевелил руками — попытался пошевелить, вернее: связали его на совесть. «Прекрасно», — подумал он, прикрывая глаза. Голова кружилась, подташнивало — видимо, сказывался тот удар по голове, которым его вырубил.

Джексон не хотел об этом вспоминать. На самом деле, он не хотел вспоминать ни о чем, и не хотел думать — только чтобы это все оказалось чертовым дурным сном. Чтобы открыть глаза — у себя в квартире. Или в офисе.

Просто не здесь — не привязанным к какому-то проклятому дубу, почему-то вместе с Эллисон Арджент.

И, кажется, на них собирались приманивать Скотта.

Какая прелесть. Если бы его не собирався убить явно больной на всю голову охотник — здоровый, если верить рассказу Скотта, не стал бы убивать людей; «Охотимся на тех, кто охотится на нас» и все такое, — можно было бы даже порассуждать о том, не перепутали ли его с очередной подружкой Скотта, но сейчас это не имело такого уж значения.

Какая разница, чем Арджент руководствовался — даже если он ошибся, им это не поможет.

Джексон медленно выдохнул и чуть приподнял голову, осторожно оглядываясь по сторонам. Не то чтобы это могло хоть что-то изменить: он все равно не имел ни единого шанса отличить лес северной окраины от леса южной.

И это он еще тешил себя надеждой, что милый старичок Джерард не увез их от широты души в какой-нибудь Бикон-Хиллз — раз уж вся нечисть страдает такой патологической любовью к этому городку.

«Слава богу, мы оттуда свалили», — подумал Джексон и едва не рассмеялся. Он все равно ухитрился влипнуть в те же сверхъестественные неприятности.

Господи.

Господи, черт побери.

Время шло. Зашевелилась, дергая веревку, Эллисон, закурил и погасил сигарету Джерард. Где-то вдалеке раздались свистки и голоса. Джексон ни секунды не сомневался: Ардженты. Похоже, Джерард неплохо подготовился. Ну, для больного на голову.

Хотя, говорят, в том, что касается преступлений, больные ловчее здоровых.

Не то чтобы это утешало.

— Он здесь, — пробормотал Джерард.

Джексон поднял голову. Джерард стоял в самом центре поляны, в пятне лунного света — как на сцене, а за его плечами бугрились тени.

Где-то в этих тенях был Скотт. Просто обязан быть, подумал Джексон, и это было сродни озарению. Скотт здесь. Скотт пришел. И причины не имели значения.

Правда. Не сейчас. Сейчас Скотт должен был просто спасти его жизнь. И жизнь Эллисон, желательно — несмотря на то, что она уже достала своими попытками выбраться: запястья дергало от каждого ее движения.

— Скотт Маккол, — сказал Джерард, не оборачиваясь.

Он посмотрел Джексону в глаза, и тот застыл. На этот раз от взгляда было невозможно закрыться, спрятаться. Невозможно было даже шевельнуться — не из-за боли, не из-за связанных рук, даже не из-за Скотта.

Джерард пугал его до полусмерти, серьезно.

— Ты же знаешь, что это был не я, — тихо сказал Скотт, делая шаг вперед.

Он все еще был человеком — выглядел как человек, или Джексону только казалось так? — но двигался уже по-звериному, тяжело и грациозно одновременно. В этом было что-то завораживающее. «Прекрасное», — некстати подумал Джексон, прикрывая глаза.

Глядя на Скотта, он начинал понимать Джерарда, и это явно не было хорошим признаком.

— Верно, — сказал Джерард. Должно быть, в этот момент он развернулся, потому что Джексон неожиданно почувствовал себя почти свободным. — Эта девочка даже не была твоей. Конечно, Кейт убил Хейл. Мою бедняжку Кейт, — он сухо хмыкнул.

Джексону на секунду показалось, что это все чертов фарс. Потому что, ну, даже самый безумный охотник не станет читать злодейские монологи, стоя посреди леса. Разве что ему кажется, что он на сцене.

Но даже так — разве они не за «выстрелить, перезарядить и еще раз выстрелить»?

Господи, как это было глупо.

— Он обернулся, верно? — с прежней ласковой мягкостью спросил Джерард. — Обернулся волком, напал из-за угла, ранним утром. Как храбро. Кейт не смогла даже нож воткнуть ему в бок. Очень неосмотрительно с ее стороны.

— Почему? — рыкнул Скотт, и Джексон даже порадовался, что глаза у него не открываются.

Накатывала тошнота.

— Почему ты? — усмехнулся Джерард. — Элементарно. Ты не убиваешь. Хейлы разодрали бы меня еще в Бикон-Хиллз, но ты, ты никогда на это не решишься, даже если я разряжу твоему... мальчику в голову его же пистолет. Сколько там в обойме пуль, семь, десять?

— Даже не думай.

Джексон не мог это описать: голос Скотт вдруг стал таким — таким тяжелым, рычащим и четким, как будто отдающимся дрожью в теле и звучащем в голове. Было страшно: настолько страшно, что весь остальной мир на секунду как будто пропал. «Сенсорная депривация», — вспомнилось Джексону. Ни звука, ни запаха, ни тактильного ощущения. Сплошная пустота вокруг. Оглушительная, нереальная, и ты как будто заперт в собственной голове.

Выстрела он не услышал, а потом все смешалось: врезавшиеся в щеку щепки, холодные пальцы Эллисон, чей-то оглушительный крик — действительно оглушительный, — почти беззвучный рык, а потом веревки на руках лопнули, и кто-то утянул его в сторону.

Когда он открыл глаза, все уже кончилось. Он поморщился, медленно приподнялся на локте, тронул щеку — на пальцах остались капельки крови — и неуверенно огляделся. Поляна выглядела так, как будто на нее сбросили бомбу времен Второй Мировой. Джерарда видно не было, Эллисон тоже куда-то делась.

Зато Скотт был рядом.

— Привет, Кларк, — пробормотал Джексон, запрокидывая голову.

— Кларк? — раздалось где-то позади. — Это, типа, как Супермен?

— Угу, — пробормотал Джексон, разминая предплечья.

Скотт вздохнул и присел рядом с ним на корточки. Склонил голову к плечу, посмотрел внимательно и грустно, и Джексон хмыкнул — почти против воли. Скотт, черт его побери, мог сколько угодно быть большим и страшным альфой-оборотнем, но глаза у него были, независимо от цвета, совершенно щенячьи.

Милые и жалобные, то есть.

Джексон искренне понадеялся, что в последней мысли виновато сотрясение мозга.

Дороги он не запомнил: кажется, машина была омерзительно старой, пропахшей какой-то адской смесью духов, и в багажнике что-то звенело — точно он помнил только то, что

Скотт устроился с ним на заднем сиденье и положил на лоб прохладную ладонь.

Часть 11

Комната была незнакомой и довольно маленькой. Джексон приподнялся на локте, зевнул и огляделся.

Это напоминало спальню подростка, вот что: разбросанные книги — в основном, из школьной программы, — несколько тетрадей возле старого компьютера, свалка вещей на стуле и под ним, прислоненная к стене клюшка для лакросса. Как будто какой-то десятиклассник убежал утром в школу, оставив вещи на привычных местах — но Скотт, кажется, говорил, что это его комната?

Впрочем, слова Скотта Джексон сейчас вспоминал крайне смутно. Весь вчерашний день сливался в странный, но на редкость стойкий коктейль из головной боли, тупой обреченной злости и постоянного ощущения чьих-то прикосновений. Отчетливо вспомнить удалось только Скотта: его прохладную ладонь, ползущую по венам черноту и обещание побыть рядом. «Прекрасно, — подумал Джексон, садясь на постели, — глубже падать некуда».

Его вещи, джинсы и куртка — надо же, подумал Джексон, может, еще и кошелек с мобильником уцелели, — валялись на втором, придвинутом к кровати стуле, и Джексон неловко потянулся за ними.

Мобильника, конечно, не нашлось, а вот кошелек с правами и парой банковских карт был на месте. Изрядно грело душу: по крайней мере, он имел возможность выбраться из той дыры, в которую его затащили Джерард со Скоттом.

Думалось о них на удивление спокойно — как будто вместе с болью Скотт странным способом забрал всю напряженную тревогу.

«Было бы здорово», — подумал Джексон, неловко толкая дверь и оглядываясь. Коридор был удивительно обычным: светлые обои, светлые панели, пара светлых дверей. Окно в торце. Фотографии в чистеньких рамках: Скотт в объятиях женщины, — матери, очевидно, — Скотт и какой-то мальчишка, Скотт и Эллисон, Скотт за рулем мотоцикла, компания разномастных ребят-старшекласников и пара парней постарше, шеренга выпусков.

Толпа ребят в спортивной форме, у Скотта какой-то кубок в руках — эта висела у самой лестницы, и Джексон не смог сдержать ухмылку, заранее представляя, как зайдет на кухню и скажет: «Лакросс, серьезно? Маккол, я думал, ты шутил».

Он не сказал.

Он просто не успел — Скотт обернулся, улыбнулся и предложил:

— Будешь завтракать?

Джексон пожал плечами и плюхнулся на как будто специально выдвинутый стул. Какое-то время они молчали: Скотт колдовал над плитой, Джексон разглядывал обстановку,

все еще слишком обычную для логова оборотня.

Стаи оборотней, если он правильно понимал.

— Ты же здесь не один? — он покосился на Скотта.

Тот, не оборачиваясь, пожал плечами.

— Мама на работе, а Айзек... Ну, долгая история.

— Ладно, — хмыкнул Джексон, кивая. — А недолгие есть? Ну, например, о тех ребятах с фотографии. Я узнал Рейес. И Эллисон.

Что-то щелкнуло. Кажется, не в первый раз — просто теперь это эхом отдалось в голове, как-то чудно совпав с движениями Скотта.

— Это тоже, — медленно проговорил он, — долгая история.

— И Хейлы?

Скотт беспомощно пожал плечами.

Джексон медленно выдохнул покосился на часы. Те показывали что-то около двадцати минут второго, и если он, черт побери, собирался на работу хотя бы завтра, ему стоило бы приструнить любопытство, кивнуть и направиться в сторону выхода.

Он не пошевелился, не отвел взгляда от Скотта, и тот, спустя пол минуты неловкого молчания, сказал:

— Я расскажу, если хочешь. То есть, расскажу все.

Джексон даже растерялся на секунду от такого предложения. «Все» — это звучало заманчиво. Нет, не то чтобы Джексон не мог, в конце концов, докопаться до истины самостоятельно, но мысль о том, что свободное время не придется тратить на раскопки архивов и догадки, которые невозможно толком проверить, изрядно грела душу.

Вопрос в том, что это подразумевало — «все». Кроме рассказа. Отчего-то Джексону казалось: Скотт в кои-то веки имеет в виду что-то кроме того, о чем сказано прямо. Что-то вроде: если хочешь, я затащу тебя в свою жизнь, полную опасных тварей и дружелюбных психопатов, и буду твоей единственной защитой от всего, что они могут натворить.

Потому что пистолет против них не особо работает, как ты уже успел убедиться. В повисшей тишине он, наконец, разобрал навязчивый звук: вторые часы, те, что над холодильником, хрипло щелкали каждый раз, когда секундная стрелка цеплялась за цифру три.

Джексон прикрыл глаза и подумал: он может отказаться. Вот просто взять и сказать:

«нет, не хочу», — и Скотт кивнет, молча пододвинет к нему тарелку и не будет мешать. Так же молча проводит до дверей, когда Джексон соберется уходить, наконец не предлагая заботу и помощь, и — Джексон готов был поклясться — больше они не пересекутся, даже если Скотт продолжит работать в редакции.

Все это звучало гораздо неприятнее, чем Джексон мог предполагать. То есть, он терпеть не мог, когда кто-то рвался ему помогать — он справлялся в детстве, при переездах после смерти отца, справлялся в школе, с постоянными смешками по поводу увлечения литературой, справлялся с собственной бисексуальностью — было с чем справляться, девчонки тогда ему нравились заметно меньше парней, — справлялся, когда мать пыталась быть Маргарет и проводила дома не больше четырех дней в месяц, справлялся в университете и в редакции.

Он никогда не нуждался в помощи, и это злило почти до крика — когда в нем сомневались.

Часы щелкнули. Мы молчим чертовы две минуты, подумал Джексон, зачем-то продолжая вспоминать: они со Скоттом говорили о помощи.

Мэтт ушел за кофе, они сидели в кабинете, чуть не уткнувшись носами в экраны компьютеров — дописывали статьи, — и в какой-то момент Скотт вдруг медленно, лениво распрямился. Спросил:

— Что тебе нравится? — И Джексон даже застыл на секунду на секунду, моргнул, прищурился, пытаюсь одновременно допечатать предложение и что-то там поймать Скотту в ответ.

Про помощь, самостоятельность, новый смартфон, блокноты на пружинке и кофе с корицей — Джексон не помнил точно, как все это сформулировал, но информацию Скотт, вроде как, должен был получить.

Это было глупо, но тому моменту Джексон уже знал: у Скотта все просто.

Скотт был неловким, но что-то в нем было такое, простое и упрощающее, и от этого он всем нравился. Джексон не знал, что раздражает больше: то, что он сам пал жертвой этого странного обаяния, или то, что кто-то, кроме него, осмелился играть в Мистера Очарование.

Если бы он еще умел этим пользоваться, ветеринар-недоучка.

Джексон тряхнул головой и поднял взгляд. Скотт стоял у плиты, прижимаясь бедром к разделочному столу, помешивал какую-то булькающую дрянь, и это выглядело так бессмысленно и нормально, что Джексон вдруг рассмеялся.

Возможно, это не имело никакого значения. Возможно, это было глупо. Возможно, это было абсолютно нормально — но когда Скотт вдруг оказался рядом и потянулся к его лицу, Джексон не отвернулся. Тяжелая ладонь легла на щеку, пальцы коснулись виска.

«Пульс», — подумал Джексон, чуть запрокидывая голову. Он снова смотрел на Скотта снизу вверх, и это тоже было почти смешно — было бы, если бы Скотт не выглядел так серьезно.

Может быть, вот что он предлагал — вместе с опасностью и своей историей.

Джексон прикрыл глаза и сказал:

— Расскажи.